

Колесова Ольга Валентиновна

МЕНТАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ "ВЫСОКОГО" САМОЗВАНСТВА В ЮБИЛЕЙНОМ БУМЕ

Статья посвящена выявлению ментальных характеристик русской культуры. Феномен юбилея рассматривается как превращённая форма матричной структуры ментальности, отражающая взаимодействие природы и культуры. Динамика ментальности показана как взаимодействие исторического начала в феномене юбилея, связанного с "магией чисел", и конструктивного элемента, фиксирующего особенность бытования в современной российской культуре, – "высокое" самозванство.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/1-1/25.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 99-102. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

**CORRELATION BETWEEN NOTIONS “OBJECT OF CULTURAL HERITAGE”
AND “MONUMENT OF HISTORY AND CULTURE”****Valeriya Nikolaevna Kozlova****Vitalii Nikolaevich Kozlov***Department of Civil Law and Process
Khakass State University named after N. F. Katanov
kozlovavn@mail.ru; vitaliy_kozlov.mail@mail.ru*

The authors study the content of the notions “object of cultural heritage” and “monument of history and culture”, and, considering the notions and types of the objects of cultural heritage and the monuments of history and culture, draw attention to the inability to use these terms as synonyms, since the objects of cultural heritage refer only to immovable objects and the monuments of history and culture include movable ones.

Key words and phrases: object of cultural heritage; monument of history and culture; monuments; ensembles; places of interest; immovable object; movable object.

УДК 02.15.61

Философские науки

Статья посвящена выявлению ментальных характеристик русской культуры. Феномен юбилея рассматривается как превращённая форма матричной структуры ментальности, отражающая взаимодействие природы и культуры. Динамика ментальности показана как взаимодействие исторического начала в феномене юбилея, связанного с «магией чисел», и конструктивного элемента, фиксирующего особенность бытования в современной российской культуре, – «высокое» самозванство.

Ключевые слова и фразы: ментальность; превращённая форма; юбилей; брендинг; «высокое» самозванство.

Ольга Валентиновна Колесова, к. филос. н., доцент*Кафедра истории религии и культуры**Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского**kolesovaov@yandex.ru***МЕНТАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ «ВЫСОКОГО» САМОЗВАНСТВА В ЮБИЛЕЙНОМ БУМЕ[©]**

Осмысление проблемы связано со вниманием к ментальным особенностям, выявленным кризисом в Евросоюзе, усилиями, направленными на поиск национальной идеи в современном российском обществе, началом десятилетия памятных дат (2012-2022) и необходимостью анализа происходящего с учётом ментального своеобразия и общекультурных тенденций.

Бытийный аспект преломления проблемы, на наш взгляд, может быть связан с «узкими темами», способными визуализировать «ментальное поле» культуры.

Прежде чем перейти к анализу проблемы, необходимо уточнить некоторые позиции: 1) конкретизировать достаточно расплывчатое понимание термина «ментальность»; 2) выявить, каким образом ментальность может быть сопряжена с темой юбилеев; 3) обозначить понимание «высокого самозванства» и его выражение в феномене юбилея.

Понятие «ментальность» используется автором, в отличие от довольно распространённой формулы «совокупность», несколько в ином ключе. Ментальность трактуется как лежащая в основе человеческого восприятия матрица, которая включает в себе структурное взаимодействие природного и культурного начал. Она может быть описана с позиций диалектически-расчлнённой целостности. Непосредственный доступ к этой структуре невозможен. Её распознавание связано с таким опосредованием, которое К. Маркс называл «превращённой формой» [6, с. 507].

Превращённая форма является результатом превращения внутренних отношений сложной системы, происходящего на определённом уровне и скрывающего фактический характер и прямую взаимосвязь косвенными выражениями. Эти последние, являясь продуктом и отложением превращённости действия связей системы, в то же время самостоятельно бытийствуют в ней в виде отдельного, качественно цельного явления «предмета» наряду с другими [5, с. 271, 272].

Ментальность может быть распознана в связи с её опосредованиями, которые в терминологии П. Динцельбахера получили выражение как «узкие темы» [7, с. 160, 161].

Они служат своеобразной идентификационной решёткой, фокусирующей отношение к юности, отношению к старости, отношению к смерти, отношению к трансцендентальному объекту и т.д. В «узких темах» в «снятой» форме выражает себя ментальность. Они фиксируют в ментальности историческое начало. Динамику ментального образования следует рассматривать и в конструктивистском аспекте [2]. Примером тому является создание Ж. Ле Гоффом модели исследования политических ментальностей [4, с. 411, 415].

Культурное образование, являющееся носителем уникальных характеристик, с момента своего возникновения внутри себя самого формирует механизмы трансляции, позволяющие ему сохраниться во времени.

Их осуществление возможно в контексте социализации и инкультурации. Однако способы их осуществления претерпевают изменения. В современной социокультурной ситуации наметилась тенденция самоидентификации, не связанная с общностью биологической судьбы, – тело из бытийной сущности превращается в объект манипулирования. Личность превращается в некую «точку сборки» [8, с. 48].

В прошлые эпохи доминировали родовые, классовые и прочие идентификации личности по её принадлежности «большим» и «жестким» социальным структурам.

Говоря о конструктивистской составляющей ментальности и возможности её динамики, необходимо заметить, более очевидной она становится в маргинальном обществе, в ситуации появления в общем культурном контексте таких феноменов, как массовая культура, глобализация, формирование информационного и постинформационного общества.

Идентификация, связанная со статусом, сменяется идентификацией, носящей ролевой характер. Если статуарный мир выстроен иерархично вертикально, что характеризует традиционную культуру, то ролевой мир выстроен горизонтально, что вполне соответствует современности.

Исследуя проблему личности в контексте «новой антропологии», Г. Л. Тульчинский обращает своё внимание на феномен самозванства. Его суть для традиционного общества заключалась в имитации характеристик, приписываемых иному по отношению к самозванцу классу, статусу и т.п. Речь идет не об обыденной социализации, а о претензиях, связанных с амбициями, с исключительностью, с правом на занятие особого статуса в социуме, с «высоким» самозванством [Там же, с. 48, 49].

На Руси ролевая революция чуть ли не с неизбежностью принимала характер самозванства, когда даже яркий харизматичный лидер выступал не сам по себе, а «под именем» или «от имени» [Там же, с. 50]. Тема «высокого» самозванства, на наш взгляд, востребована современной российской культурой, но приобрела специфические модусы – способы существования. Она играет роль «ведущей скрипки» в современной юбилеумании.

Отправной базой для анализа в обозначенном нами ключе является содержание статьи А. Кузнецова и А. Маслова «Диктатура юбилеев: мемориальный бум как признак иной повседневности» [3]. Авторы статьи отмечают следующий момент, весьма значимый для нашего рассуждения: «...не факт, что “магия чисел”... претерпела сколь-нибудь заметное ослабление... накопленные на сегодня изменения свидетельствуют не столько об утрате ею прежней роли в жизни общества, сколько об увеличении количества “магов” и используемых ими “колдовских средств”» [Там же, с. 515].

В фиксации авторами факта, что тема юбилея, вбирающая в себя «магию чисел», не претерпела сколь-нибудь заметного ослабления, мы усматриваем возможность воспринимать её как одну из «узких тем», опосредующих ментальность. Фокусируя превращение природного и культурного, она аккумулирует в себе «вертикальный характер» взаимосвязей культуры.

М. Фуко обосновывает вертикальную систему зависимостей следующим образом: «...все положения субъекта, все типы сосуществования между высказываниями, все дискурсивные стратегии возможны только тогда, когда они узаконены предшествующими условиями» [9, с. 73].

Авторы статьи отмечают, что первоначальные критерии юбилейного времени претерпели изменения (в иудейском обычае «семь седьмин» – сорокадевятилетний цикл; «святые юбилейные года», инициированные римскими папами, отмечались чаще, чем один раз в пятьдесят пять лет; современный юбилей соотносится уже не столько с весомостью срока, сколько со значимостью повода), важно то, что локус юбилея в культуре легитимирован традицией.

Значимы размышления авторов о мемориальном «подогреве» и «техниках» подготовки юбилеев, их функциональной нагрузке. Подчас она, в связи с надуманностью и неадекватностью, способствует «охлаждению» культурной памяти, то есть дает эффект прямо противоположный ожиданиям, связанным с юбилеем. Из этого можно заключить, что юбилей с сосредоточенной в нём «магией чисел» имеет более глубокие корни в культуре, чем те, что могут исчерпываться тематикой, идеологией, вероучением и т.п. Это, на наш взгляд, подтверждает правильность видения юбилея как «узкой темы», отражающей «вертикальную связь» в культуре.

Однако анализ тех же самых способов актуализации юбилеев в другом аспекте – в соотношении с субъектом – позволяет судить о динамике ментального образования в конструктивистском ключе. Известно, что русская культурная традиция строится, прежде всего, на архетипах – первообразах, выражающих принцип «единство в множестве». Анализируя феномен юбилея, нам следует ориентироваться на реализацию этого принципа, предполагая, что он может иметь различные модусы в темпоральном измерении.

Юбилей – это фиксация возвратного движения. Он упорядочивает время внутри традиции, как бы оставив время, высвобождая человека из потока повседневности. Это – заключённая в традиции возможность трансценденции – выхода за собственные пределы. Человек живёт, соотнося себя с определёнными смыслами. Юбилей вполне отвечает данному запросу, ведь чтобы говорить о юбилее чего-либо, необходимо, чтобы это событие обладало весом, было наполнено именами и событиями.

В феномене юбилея для идентификации целесообразно выделить следующие позиции: 1) значимость юбилея в плане его темпоральной масштабности; 2) значимость юбилея в плане географической масштабности; 3) значимость юбилея в историко-культурном контексте; 4) проблематизация юбилея в контексте исследовательского интереса.

Две первые позиции находят отражение во всех исследуемых нами юбилеях без каких-либо оговорок.

Две последние позиции подразумевают реализацию в юбилее традиционных ценностных предпочтений и включённость в их состав ценностей, имеющих конъюнктурный характер. Они заслуживают особого

внимания, так как отражают связь исторического и конструктивного. Весьма показательными в этом смысле являются юбилейные проявления, связанные с преодолением Смуты. Первоисточком этих событий является обретение власти Романовыми. Первостепенная роль в возведении новой династии на престол исторически принадлежала торговцу мясом и земскому старосте Кузьме Минину. Легитимация (лат. *legitimus* – законный) же власти связывалась с идеей Божественного провидения. В условиях традиционной культуры с вертикальной статуарной структурой – это единственно возможный способ легитимации. Такая претензия – естественное проявление царственных особ в контексте традиционного восприятия.

Этим же обстоятельством можно объяснить и тот факт, что в Полной редакции Нижегородского летописца (1680-е гг.) и в последующих редакциях, как замечают А. Кузнецов и А. Маслов, пальма первенства в деле «спасения отчизны» отдаётся не земляку «посацкому человеку», а князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому. Роль Минина ретуширована, но его непосредственная причастность к значимым событиям была востребована чуть позже, когда, по замечанию авторов, отдельные мещане, имея корыстные цели, в своих прошениях ссылались на родство с Кузьмой Мининым. Для ничем не отмеченных в жизни мещан фигура Кузьмы Минина значимость обретает своей причастностью к чему-то большему, чем жизнь обыденная. В свете такого восприятия очевидной становится возможность позиционирования не на статусном уровне, традиционно сформировавшемся в обществе, а на ролевом. Ведь значимость Кузьмы Минина связана именно с той ролью, которую он сыграл в истории Отечества. Таким образом, корыстные мещане дают нам пример «высокого» самозванства на уровне ролевого социума.

Авторы отмечают, что наряду с основателем Нижнего Новгорода – князем Георгием (Юрием) Всеволодовичем – фигура Минина стала своеобразным историко-культурным брендом Нижнего Новгорода [3, с. 526]. Исследуя феномен бренда, Тульчинский приходит к выводу о том, что это технология тотального и глобального самозванства [8, с. 51]. В ответ на востребованность выступают не только товары и услуги, но и организации, страны, индивиды. На рынок выводятся мечты. Причём не просто мечты, а мечты о том, какими нас следует воспринимать.

В условиях преодоления «смуты» 90-х президент В. В. Путин, в начале его первого срока, призывал к изысканию в древнерусской истории «самых первых начал российской государственности». Сама по себе постановка вопроса Путиным может быть воспринята как попытка решить современную проблему децентрированного общества, утратившего единые критерии и оценки, обосновать свою идентичность, легитимировать её в связи с отсылкой к значимому историческому прошлому. Она отражает вполне традиционную тенденцию, свойственную русской культуре, – ощущать себя частью целого, «жить в тепле коллектива, в какой-то растворённости в стихии земли, в лоне матери» [1, с. 6]. Отдавая дань историческому прошлому, нужно вспомнить, что приобщение к знаковой фигуре Минина осуществила уже в первое десятилетие XX в. нижегородская черносотенная газета, носившая его имя. Эксплуатация фигур Минина и Пожарского, воспринимаемых в историческом контексте как избавителей от Смуты, происходит и в настоящее время. Представляется вполне возможным соотношение с проявлением «высокого» самозванства попыток разных партий использовать их имена. С этих позиций А. Кузнецов и А. Маслов оценивают историческую подоплёку создания В. В. Путиным «Народного фронта» и создания КПРФ «Всенародного ополчения К. Минина и Д. Пожарского».

Попытка «высокого» самозванства, на наш взгляд, может быть усмотрена в тенденции, которую приобрели способы «приобщения» современных историко-культурных субъектов к началам российской государственности. В числе таких сомнительных способов приобщения – 1000-летие Ярославля, якобы основанного Ярославом Мудрым. А. Кузнецов и А. Маслов отмечают, что достоверных источников, подтверждающих эту дату основания города, чья связь с князем Ярославом прослеживается только через созвучие имени и топонима, в распоряжении исследователей нет [3, с. 535].

Сходная, по сути, история связана с 1000-летием Казани. Найденная и интерпретированная археологами чешская монета стала поводом для утверждения культурно-исторической укоренённости татарского этноса (через Волжскую Булгарию) и его роли в созидании российской государственности.

В том же ключе выдержано празднование Удмуртией в 2008 г. 450-летия добровольного вхождения региона в состав России.

Следом за этим событием в Республике Мордовия в 2008-2009 гг. почтили вниманием тысячелетие вхождения мордвы в орбиту древнерусской (а значит, и российской) государственности. Основанием послужила запись о том, что «мордва платит дань Руси», в «Повести временных лет» – недатированном источнике.

Изыскания «самых первых начал российской государственности» во Владимире привели к тому, что версия, поддерживаемая властью, о его возникновении в X в. именно в этой связи на сегодняшний день является преобладающей. По мнению историков и в соответствии с источниковедческой точкой зрения, более предпочтительной является версия, ведущая историю г. Владимира с начала XII в. [Там же, с. 540].

Необходимо заметить, что во всех рассмотренных нами случаях мы говорили не о создании историй, не имевших места в принципе. Речь идёт о реализации запроса на более древние истоки, которые легитимируют значимость того или иного региона, города, личности в контексте его древности и, значит, причастности к самим истокам русской культуры. В этом смысле искажение или игнорирование некоторых исторических фактов с целью попадания в идентификационную решётку по позиции «древности» и, соответственно, претензия на юбилейную дату и рассматриваются как «высокое» самозванство.

Проблема решается «творчески». Те, у кого нет прямых свидетельств «стояния» у истоков, готовы на некоторую интерпретацию формулировки «добровольное вхождение». Так или иначе, достигается эффект легитимации, так как причастность к общему строительству государственности засвидетельствована.

Подводя итоги сказанному, ещё раз выделим следующее: 1) юбилей аккумулирует в себе историческое и конструктивное ментальной структуры как превращённая форма; 2) историческое в юбилее фиксирует вертикальную связь русской культуры, отражающую архетип «единство в множестве»; 3) конструктивное в феномене юбилея связано с использованием юбилея как бренда-технологии, позволяющей культурно-историческому субъекту решать задачи самого разного содержания.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности. М.: Мысль, 1990. 240 с.
2. Колесова О. В. Проблема ментальности в контексте современной культуры: организмический и организационный подходы // История и современность. Волгоград: Учитель, 2005. № 1. С. 176-188.
3. Кузнецов А., Маслов А. Диктатура юбилеев: мемориальный бум как признак иной повседневности // Исторические исследования в России. М.: АИРО-XXI, 2011. Т. III. Пятнадцать лет спустя. 584 с.
4. Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М.: Прогресс, 2001. 439 с.
5. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Прогресс; Культура, 1992. 414 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. Т. 26. Ч. III. 703 с.
7. Пушкарёв Л. Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. № 3. С. 160-161.
8. Тульчинский Г. Л. Новая антропология: личность в перспективе постчеловечности // Вопросы философии. 2009. № 4. С. 41-57.
9. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-центр, 1996. 208 с.
10. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 408 с.

MENTAL CONTEXT OF “HIGH” IMPOSTURE IN ANNIVERSARY BOOM

Ol'ga Valentinovna Kolesova, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Religion and Culture History
Nizhnii Novgorod State University named after N. I. Lobachevskii
kolesovaov@yandex.ru

The author reveals the mental characteristics of the Russian culture, considers the phenomenon of anniversary as a converted form of mentality matrix structure reflecting the interaction of nature and culture, and shows the dynamics of mentality as the interaction between the historical origin in the phenomenon of anniversary associated with “magic of numbers” and the structural component fixing the feature of existence in the contemporary Russian culture – “high” imposture.

Key words and phrases: mentality; converted form; anniversary; branding; “high” imposture.

УДК 947

Исторические науки и археология

В статье дается анализ содержания материалов газеты «Тамбовский земский вестник», опубликованных в марте 1917 г. Являясь земским органом, формально беспартийная, эта газета была очень популярна, пользовалась большим спросом среди населения. Зачастую редакцией публиковались письма обывателей, крестьян, обращавшихся к газете как к последней надежде на справедливость. Автором статьи рассматривается особенность освещения редакцией газеты общественных и политических событий в Тамбовской губернии, исследуются митинговая активность и ожидания населения от новой власти в первые дни после получения известий о февральских революционных событиях 1917 года в Петрограде.

Ключевые слова и фразы: газета «Тамбовский земский вестник»; Февральская революция 1917 г.; митинги; политическая культура; политическое сознание.

Дмитрий Владимирович Колчинский

Кафедра российской истории

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

kolchinskyd@mail.ru

**ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА
НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ТАМБОВСКИЙ ЗЕМСКИЙ ВЕСТНИК»[©]**

Статья подготовлена по результатам научно-исследовательских работ, выполненных при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (проект «Политическая культура провинциального российского общества в 1917 году (по материалам Тамбовской губернии)», соглашение № 14.132.21.1029).

Народное восстание в Петрограде и свержение монархии оказалось полной неожиданностью для провинции, по выражению некоторых современников и историков, революция пришла «по телеграфу» [1, с. 70; 3, с. 38].